

ЧТО ТАКОЕ ФОРСИРОВКА?

1

Что такое форсировка немецкой культуры? Если мы разберемся в этом явлении, мы придем к любопытным выводам.

В немецкой культуре мы видим двойную форсировку: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя форсировка заключается в том, что, питая мечты о всемирном владычестве и в то же время находясь посреди культурных наций, которые быстрым темпом «прогрессируют» и развиваются, Германия принуждена проникаться особым лозунгом: не только не отставать от соседей, но и во что бы то ни стало их обгонять. Как говорит остроумно Вяч. Иванов, немцы над всем европейским хотели бы поставить марку: uber *. В этом напряжении, напряжении до надрыва, есть глубокая внутренняя опасность. Немцы как бы забыли, что в высших областях жизни духа работа и напряжение человеческой воли есть только одно из условий созидания, что без вдохновения, без озарения, без даров свыше, без гениальности совершенно невозможно производить подлинные ### **.

Есть дарования, которые появляются раз в столетия. Есть гении, которые приходят на землю однажды в тысячелетия. Вы можете сколько угодно напрягать человеческую волю, тужиться и потеть, и все же вы не напишете хорошего стихотворения, если вы не поэт. Форсируйте сколько угодно мелкие поэтические дарования, и все же раздуть их до размеров Гете или Шиллера, а тем более Данта или Платона невозможно, немислимо. Есть же внутренний предел работе и «вымогательству». Современные немцы совершенно забыли, что Достоевского или Чехова так же не выдумаешь, так же не высосешь из пальца, как в Гамбурге не сделаешь луны. Вершины национальных культур находятся в сфере благодатной свободы, ибо дух, истинный дух, в коем подлинно новые откровения, дышит где хочет, и машиной, организацией, университетами, учеными обществами его нельзя «вынудить», нельзя захватить насильственно. То, что есть в смысле подлинной гениальности в нации, — то и есть; нельзя сделать так, чтобы истинно сущего не было, но нельзя сделать, смастерить истинно сущее из каких-нибудь суррогатов.

Никакая форсировка не может повысить уровень гениальности в нации. Я даже думаю, что обратно: форсировка неизбежно влечет понижение в падение, ибо гениальность — свобода, форсировка же — не свобода. В немецкой культуре XIX века мы замечаем ускорение любопытного сальеризма. Когда живой поток творчества иссякает и начинает бить в других странах, Германия в нервическом возбуждении не хочет признать совершившегося факта, не хочет благоговейно склониться перед явлением гения в чужом народе. Снедаемая отсутствием высшего бескорыстия, она напрягается изо всех сил, чтобы создавать суррогаты гениальности, шумом «работы» заглушить духовное превосходство других наций, и, если можно, убить в них их высшее, что возникло в них по Божьему дару, своими машинными, методологическими, вымученными созданиями. Так повторяется в мировых масштабах пушкинская история Моцарта и Сальери. Когеном или Риккертом они пытаются убить явление Вл. Соловьева, Гауптманом заслоняются от Достоевского, а ничтожным Зудерманом — от Толстого и Чехова *. Немецкий Сальери на все способен, кроме откровенного и сердечного признания, что он со

своей работой, со своим потом и напряжением затмевается, внутренне и духовно, первыми гениальными манифестациями новой, возрастающей силы.

Но как ни завистлив и душевно слеп Сальери, он все же не может не чувствовать, что Духа Святого не купишь ни за какую «работу», что симония в духовных планах фактически невозможна, и потому внутреннюю форсировку он все более и более сочетает с форсировкой внешнею, которая дает ему возможность если не господствовать в самом деле, то хоть утешаться иллюзией «эонического» первенства и внешним образом удерживать в своих руках подольше и побольше какие-то общие вожжи в стремительном беге европейского развития.

Форсировка внешняя есть не что иное, как перенесение центра тяжести с качества на количество. Что не удастся делать «мытьем», то пытаются наверстать «катаньем». Если немцы не могут больше первенствовать в первоклассных созданиях духа — и это становится им очевидно, — то, чтобы спасти честь Vaterland'a, они, во-первых, окружают самих себя китайской стеною второклассного культурного производства и загораживаются ею от высшего питания своего национального духа новыми прозрениями и новыми достижениями своих соседей; во-вторых, в гордом порыве во что бы то ни стало «учить», подымать других, а не себя, непременно духовно экспортировать, а не импортировать, они закидывают из-за китайской стены все страны света третьесортными, чисто немецкими продуктами, созданными лихорадочным возбуждением больной воли, которая варится в своем собственном соку и с каждым десятилетием все больше и больше отъединяется от мира, все более и более оскудевает чертами всечеловечности и, так сказать, внутренне все более и более провинциализируется. И тут наблюдается удивительный парадокс: в то время как культурное немецкое коммивояжерство захватывает все страны света и рейсы всяких «Северных Ллойдов» *, говоря символически, покрывают густой сетью все моря и океаны земного шара, — в это время внутренне германская культура суживается| до каких-то невероятных мелких размеров и забирается в истинно немецкие щели, явно лишенные какого бы то ни было общечеловеческого значения. У нас в полуобразованных кругах общества, а также среди «ученой» молодежи распространено изумление перед мощной динамикой всестороннего немецкого производства. Во многих русских душах вы чувствуете застывший испуг перед этим, непрерывным потоком книг, каталогов, изданий, философских «пере-систем», культурных новинок, Krawattenhalter'oB **, зажигалок, электрических фонарей и всяких патентованных средств. Вот она, сфера, где Н. А. Бердяев мог с большей удачей исследовать «вечно бабье в русской душе» ***. Тут действительно залежи русского рабства, и эти залежи так глубоки, что даже война, даже потрясение всего мира не может изгладить магического испуга перед германской культурой и закрыть застывшие в изумлении рты русских ее hoch-почитателей.

Под феноменологическою оболочкою мнимых богатств современная германская культура таит великую духовную скудость и нищету. В первоклассном, в гениальном — даже в области культуры, а не в общей жизни духа — со второй четверти XIX столетия Россия решительно начинает преобладать над Германией. В России расцвет литературы и глубочайшей художественной мысли достигает всечеловеческих вершин в Достоевском и Толстом. Явление Достоевского — совершенно новое в истории мирового сознания, звучащее откровением для всех культур мира, а не для одной Германии, — ничего равного не находит себе в европейской современности. Обильно и гениально зацветает русская музыка,

скульптура, живопись, поэзия и философия, с могучей и первоначальной природностью в духе и благодати.

Форсированная немецкая культура в чудесный и, несмотря на всю свою роскошь, молодой сад русской культуры врывалась в последние десятилетия перед войной буйным и насильственным бурьяном. У бурьяна могучая «биологичность».. Динамика захвата и удушения в нем грандиозна, невероятна. И если бы в истории господствовала одна плоть и одна материя — судьба русского сада и русского культурного плодоношения была бы предрешена. Через несколько десятилетий мы превратились бы в «навоз» того обширного «скотоводного дела», которое раскинула бы на всю Европу и Азию Германия. Но Вышний Садовник не позволил бурьяну заглушить и нежные всходы русской культуры. Очевидно, миру нужны еще новые расцветы и благоуханное новое творчество. Зазвенели серпы и мотыги, и немецкий бурьян стал густыми рядами валиться, освобождая насильно захваченную почву.

III

У каждого народа есть внутренний ритм своей жизни. Все заимствования и все научения от других национальных культур идут во благо ему, если находятся в гармонии с этим ритмом или претворяются им. Но как только начинается насильственная прививка или форсированный ввоз — в жизни народа обнаруживаются расстройствa. Различие ритмов, насильственно соединяемых, вызывает мучительные перебои. Эти перебои могут приводить к тяжелой трагедии. Дело Петра Великого было настоящим разрывом старорусского ритма жизни. И столетие понадобилось для того, чтобы организм русского народа выработал новые национальные ткани, которые и закрыли место хирургической операции, произведенной Петром. Древние греки с великим искусством умели по-своему ритмизировать все ввозимое к ним. Они мгновенно претворяли в свое и орнамент, и архитектурную форму, и линию, и мелодию, и музыкальный инструмент, и болезнь культурного раздвоения и перебои оставались им почти неизвестны.

Если бы рядом с Россией находилась страна с органически развивающейся культурой, Россия легко справлялась бы с культурным ввозом из этой страны. Высокая духовная культура Германии XVIII столетия и самого начала XIX столетия без всякой форсировки, естественно и свободно проникавшая в Россию, не могла создать никакого перебоа. Ритмы были разные, но зато и выбор был свободный и творческий, пресуществлявший получаемое. Баратынский, восхищаясь Гете, оставался самостоятельным поэтом. Жуковский, даже переводя Шиллера, сообщил ему особую русскую мелодичность. Хомяков жадно глотал «логику» Гегеля и в то же время философствовал глубоко по-русски. Какая-то нотка шиллеровского пафоса вошла навеки в душу Достоевского — русского из русских, — и кто же уследит судьбу этого маленького внушения в море его творческих идей и созданий?

Форсировка, начавшаяся с того момента, как стало иссякать подлинное творчество в немецкой культуре, совершенно меняет все дело. Она обращается не к высшим представителям русской мысли и русского художественного гения, а к огромным количествам средних русских людей, к интеллигентным массам, которые неспособны ничего претворять, ибо не одарены творческим духом. Эти массы совершенно механически поглощали немецкие культурные внушения, которые стали их подстерегать буквально на каждом шагу и со всех сторон; раздувались от прочитанных немецких книг, не перерабатывая их, «фаршировались» маленькими

немецкими идеями и сами в свою очередь становились автоматами-передатчиками полученных внушений, мыслившими не своими мыслями, говорившими не своими словами. Параллельно с превращением России в экономическую колонию Германии шел *crescendo* * процесс германизирования всего умственного и духовного обихода среднего русского «просвещенного» человека. Перед войною насыщенность «культурными» внушениями германизма дошла до предела, и те, кто были более чуткими, чувствовали в воздухе приближение страшной грозы.

Русская духовная стихия незаметно, постепенно и систематически вытеснялась из всей совокупности русской жизни. Ей приходилось все отступать и отступать, уступать один уголок русской жизни за другим, и наконец дело дошло до точки. Русской духовной стихии приходилось выбирать между каким-то грандиозным отпором и собственной смертью. Перебой двух ритмов, до полярности не схожих, стал чудовищным, невыносимым. Аккумуляция электричества, сгущение грозowych туч, готовых разразиться страшнейшим потрясением, рождались естественно из этого напряженного положения дел.

Когда Австрия объявила войну Сербии, в воздухе уже вспыхивали молнии. Достаточно было Германии обнажить свой меч, чтобы все накопившиеся энергии разразились ураганом всероссийского подъема, и перед кровавым кайзером встала новая Россия, единая, уверенная в своем призвании, с светлым решением или умереть, или свое дело, всеславянское, всечеловеческое, отстоять до конца.

Так форсировка немецкой культуры, принесла много бедствий и унижений России, в виде «кармы» * за свое насильничество и за то, что посягнула на духовную суть России, — против всякой воли своей, исподволь приготвила духовный отпор и восстание против себя; когда Германия захотела пожать плоды своих долгих «культурных» трудов и мечом своим дать *coup de grace* ** уже ранее «мирно завоеванной» стране — в России мощно проснулась ее духовная сущность и перед немцами вдруг вместо веселого пира и грабежа встала грозная и неумолимая их судьба.